

ООП – заложница арабского национализма и нефтемонархий

Немногие движения за независимость так *«массово зависели»* от внешней помощи, как Организация освобождения Палестины (ООП), *«выживание которой было обусловлено сохранением её единства любой ценой»*. Это объясняется особенностями палестинского национализма в процессе его формирования в 1930–1950-е годы, которые отличали его от других подобных движений, например, алжирского *«Фронта национального освобождения»*, ФНО.

Так писал Ален Греш, помощник редактора *Le Monde Diplomatique*, в предисловии к английскому изданию своей истории ООП (*“OLP. Histoire et stratégies”*, 1984). ООП, основанную в 1964 году как зонтичную организацию для объединения течений палестинского национализма, с 1969 по 2004 год возглавлял Ясир Арафат (Мохаммед аль-Рахман аль-Рауф аль-Кудва аль-Хусейни, 1929–2004). На протяжении сорока лет он был главным представителем палестинского светского национализма.

С середины 1980-х годов его главным конкурентом стал ХАМАС, Исламское движение сопротивления, ответственный за массовые убийства в Израиле 7 октября и являющийся доминирующей политической силой в секторе Газа. Война в Газе, унёсшая до 40 тысяч жертв и ставшая самой кровопролитной с точки зрения человеческих потерь за всю историю израильско-палестинских конфликтов, представляет собой трагический провал и подтверждение того, что мы называли *«стратегическим банкротством»* как палестинского, так и израильского национализма.

Головоломка арабского и палестинского национализма

Ален Греш – сторонник палестинской национальной идеи. Максим Родинсон, один из мэтров французской арабистики, в своём предисловии рассматривает этот текст как *«серьёзную и основательную попытку»* прояснить *«противоречия, лежащие в основе палестинского и арабского национализма»*. Теоретически они являются *«взаимодополняющими»* силами, но на почти столетие, то есть с момента возникновения *«палестинского вопроса»*, они часто оказывались в противостоянии между собой. Требования палестинцев оказались подчинены *«смыслу существования»* арабов: так считал Абу Ияд (Салах Халаф, 1933–1991), который вместе с Арафатом был одним из основателей ФАТХ (*«завоевание»* с арабского, а также перевёрнутая аббревиатура *«Движения за освобождение Палестины»*), главной палестинской националистической партии и силы большинства в ООП.

Будучи русским евреем по матери и египтянином-коптом по отцу¹, Греш был участником движения египетских левых, а затем и французских левых из ФКП. Его отец, Анри Куриэль (1914–1978), был убит людьми из ОАС (Секретной вооружённой организации), связанными с французскими спецслужбами, за его активную деятельность среди *«носильщиков чемоданов»*² алжирского Фронта национального освобождения (ФНО); несмотря на обвинения в работе на арабскую политику СССР, в 1976 году он провёл серию переговоров между членами ООП и израильскими левыми под покровительством Пьера Мендес-Франса, на тот момент бывшего премьер-министра Франции времён Четвертой республики.

Как в работе 1984 года, так и в дальнейшем Греш утверждал, что создание *«палестинского мини-государства»* на Западном берегу и в секторе Газа является единственным реалистичным решением конфликта, и рассматривал отказ от резолюции ООН о разделе Палестины в 1947 году как упущенную возможность для палестинского национализма (*“Palestine 1947. Un partage avorté”*, 1992). Греш, однако, признаёт, что в то время это решение было трудно осуществить, учитывая *«баланс сил»* между *«подконтрольным палестинским национализмом»* и арабскими государствами, с усилением политических панарабистских течений и соответствующих идеологий, а также *«палестинской травмы»* Накбы (катастрофы), связанной с военным разделом Палестины в 1948 году.

В своих мемуарах Абу Ияд сообщает об идеях Хаджа Амина аль-Хусейни, верховного муфтия Иерусалима, высказанных им в беседе в Бейруте в 1974 году. По мнению верховного муфтия, арабские государства, как в силу убеждений своих лидеров, так и под давлением Великобритании, *«выдвигали препятствия для создания палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа, территориях, которые британская армия не смогла завоевать. Король Трансиордании Абдалла [...] не был заинтересован в создании»*

палестинского образования, поскольку намеревался присоединить Западный берег к своему королевству, что он и сделал после войны 1948 года. Король Фарук, в свою очередь, не стремился присоединить Газу к Египту; он санкционировал проведение палестинского конгресса в этом городе в сентябре 1948 года, который утвердил правительство под руководством Ахмеда Хильми, чьей главной целью [...] было установление своей реальной власти над Газой и Западным берегом. Но египетское правительство не позволило палестинскому правительству утвердиться в Газе, чтобы не провоцировать израильскую армию и не рисковать оккупацией анклава. Палестинскому правительству пришлось разместиться в Каире, где Хильми», иорданский банкир, «был больше озабочен своими собственными делами, чем делами своего правительства-призрака». Преданный арабскими государствами, продолжает Греш, Хусейни был покинут большинством палестинского руководства, которое раскололось на две группы – проиорданскую и проегипетскую.

Новые поколения националистов в диаспоре

Большинство историков, в том числе палестинских, признают, что в 1930-е годы в палестинском националистическом движении надолго, по мнению Греша, как минимум «на одно поколение», образовался политический вакуум, вызванный британскими репрессиями во время «великого арабского восстания» 1936–1939 годов. Люди из группы, которая возглавит ФАТХ, фактически принадлежат к следующему поколению: они родились в 1930-е годы и, как и сам Арафат, начали свою политическую деятельность в связи с египетскими «Братьями-мусульманами» и представителями коренных палестинских элит, представленных Хаджем Амином аль-Хусейни. В 1950-е годы группа вошла в конфликт с панарабистской идеологией «Свободных офицеров» Гамали Абд Насера.

По мнению американского арабиста Уильяма Квандта, сыгравшего определённую роль в переговорах в Кэмп-Дэвиде в 1978–1979 годах, некоторые националистические течения, которые позже объединились в ООП, в частности ФАТХ, были выражением «зажиточной, консервативной и законопослушной буржуазии Газы», которая не пережила потерю своих владений в 1948 году, как в случае Арафата, родившегося в Каире и жившего в Иерусалиме в течение короткого периода своего детства. Другое крупное течение, Арабское националистическое движение (АНД), состояло из представителей «среднего класса христианского вероисповедания» из центральных и северных районов Палестины, прошедших обучение в Американском университете Бейрута (*“The politics of Palestine nationalism”*, 1973); сильно панарабистское и пронасеровское, АНД также принимало в свои ряды политических деятелей непалестинского происхождения.

Различие между течениями ФАТХ и АНД, по мнению Греша, заключается в особенностях палестинского национализма, которые сводятся к пяти основным аспектам. Первый – это «территориальное распыление» после 1948 года. Военный раздел британского мандата в Палестине привёл к тому, что большинство палестинского населения оказалось под «иорданским, израильским или египетским суверенитетом», а диаспора оказалась в Ливане, Сирии и Персидском заливе. Это рассеяние, говорит Греш, также привело к «социально-экономической дифференциации», когда «палестинская буржуазия» была лишена прямых контактов с преимущественно крестьянским населением в «лагерях беженцев» и в Палестине. Единственная связь осуществлялась через так называемую «иорданскую элиту», т.е. часть традиционной знати, лояльной Хашимитской монархии в Аммане.

Вторая особенность – различные пути формирования националистических движений. Их идеологическая ориентация варьировалась от «панарабистского палестинского национализма» ФАТХа, взявшего за образец алжирский ФНО, до «панарабского национального социализма» АНД, из которого после присоединения движения к ООП возникло несколько конкурирующих с ФАТХом формирований, таких как Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) и Народно-демократический фронт освобождения Палестины (НДФОП).

Третья особенность – выраженный индивидуализм и партикуляризм руководства, весьма характерный для палестинцев, в традиционной социальной структуре которых значительное место занимали клановые, семейные и региональные связи. Четвёртым аспектом стали идеологические расхождения, которые усугублялись высшим образованием

палестинской буржуазии: Арафат, как и другие лидеры ФАТХ, учился в Каире; руководство АНД, как уже говорилось, – в Бейруте, в Американском университете.

Формы арабского вмешательства

Наконец, пятый и самый важный момент: *«вмешательство арабских стран»*. По мнению Греша, оно проявляется в двух формах. Открыто, через создание *«организаций, напрямую зависящих от арабских режимов»*: например, “Сайка” (“шторм”), созданная Сирией в конце 1950-х годов; Арабская освободительная армия (АОА), созданная иракским режимом; Исламский фронт освобождения (ИФО), связанный с Саудовской Аравией. Или же это было вмешательство в *«косвенной форме»*, через *«альянсы»*, заключённые в определенное время с той или иной организацией внутри ООП. Исторически насчитывается дюжина палестинских организаций разного размера, по крайней мере шесть из них были *«признаны ООП»*.

По мнению Греша, Арафат, начиная с 1968 года, выбрал *«вьетнамский путь»*, то есть создание широкого фронта националистических организаций, объединённых в рамках ООП, вместо *«алжирского пути»* с гегемонией одной организации (ФНО). Конечно, относительное доминирование ФАТХа признавалось, но *«вооружённая ликвидация»* других течений, как это произошло с алжирским движением за независимость, была исключена (Alistair Horne, *“The Algerian War”*, 1980). Во Вьетнаме, хотя авторитет ханойского режима, независимого с 1954 года, и был решающим, на Юге в рамках Вьетмина также существовали течения, не связанные с вьетнамской компартией.

Сам Арафат в интервью 1970 года утверждал, что различные организации в составе ООП являлись частью *«конфликта арабских наций»*, в который была втянута и Палестина; это были организации, *«связанные с арабскими странами»*, и *«военная конфронтация с ними»* означала бы конфронтацию с соответствующими странами.

В своей биографии Арафата палестинский христианский журналист Саид Абуриш (*“Arafat”*, Bloomsbury, 1998) отмечает, что руководство ФАТХ, восхищаясь фигурой Насера, в то же время не доверяло ему и обвиняло арабские страны в *«ударе в спину»* палестинской нации в 1948 году, как ради их собственных государственных интересов, так и из-за *«некомпетентности и коррупции»* в их армиях. Эту критику Насер использовал против египетской монархии, свергнутой в 1952 году. Кроме того, ФАТХ опасался, что Насер будет использовать палестинский национализм в качестве инструмента египетской внешней политики, прикрываясь лозунгами панарабизма. Насер, в свою очередь, с подозрением относился к связям многих палестинцев в Египте с “Братьями-мусульманами”, которые в 1948 году воевали в качестве добровольцев в Газе. В 1954 году, после покушения, Насер объявил “Братьев” вне закона в Египте.

“Кувейтцы” в ФАТХе

Основатели ФАТХа, включая Арафата, сочли более разумным эмигрировать в Кувейт в разгар нефтяного бума. Этот выбор, по словам Абуриша, позволил фатховцам связаться с представителями палестинской буржуазии, близкими как к местной монархии, так и к катарской. Именно оттуда поступали средства на создание газеты в Бейруте в конце 1950-х годов и на вербовку боевиков для военного крыла, особенно в Ливане.

В Кувейте палестинцы возглавили суверенный фонд нефтемонархии, а в Катаре – получили пост главы Центрального банка. Среди советников катарской монархии были люди из семьи Абу Мазена (Махмуда Аббаса), нынешнего президента ПНА, Палестинской национальной администрации. В круг связей Арафата входил также Ахмед Заки Ямани (1930–2021), исторический министр нефти Саудовской Аравии с 1962 года.

Арафат и руководство ФАТХа, по словам Абуриша, осознавали необходимость поддержки палестинского дела со стороны арабских стран; однако они считали, что смогут договориться, *«не ставя себя в зависимость»* от *«одной арабской страны»*. Опора на нефтяные доходы, однако, влекла за собой и существенную *«идеологическую невнятность»*: в программе ФАТХа, кроме освобождения Палестины, не было требований *«социальных реформ»* или *«арабской политики»*, в отличие от течений, связанных с насеризмом или сирийской и иракской партиями Баас. Такой центризм не вызывал беспокойства у консервативных шейхов Персидского залива, которые за счёт финансирования ФАТХа могли создавать себе *«политический противовес»* требованиям национал-социализма в арабских

республиках (Египте, Сирии и Ираке). Это не помешало ФАТХу с 1962 года получать финансовую и военную помощь от Алжира, одного из центров арабского радикализма. Расцвет ООП и ФАТХ, по мнению Барри Рубина, арабиста из Университета Джона Хопкинса, пришёлся на 1970-е и 1980-е годы; множественные связи помогли собирать щедрые пожертвования от нефтёмонархий и других арабских государств, что привело к созданию одного из *«наиболее финансируемых»* националистических движений в мире; в частности, существовал даже 7-и процентный *«национальный налог»*, взимаемый с заработной платы палестинских рабочих в Персидском заливе (B. Rubin, *“Revolution until victory?”*, 1996).

Манипулирование палестинцами и арабские рычаги

По мнению Рубина, *«избегая доминирования одного покровителя или конфликтов с арабскими государствами»* и придерживаясь линии невмешательства в их внутренние дела, пока арабские государства не вмешиваются в дела палестинцев, *«Арафат добился значительной степени автономии для ООП»*, но также понимал, *«что, заполучив арабских правителей в качестве друзей, придётся столкнуться с другими в качестве противников»*. Поэтому Арафат действовал как *«канатоходец»*, уравнивая *«каждую полученную услугу наклоном в противоположную сторону»*, чтобы сохранить свою независимость. Сам арабский лидер повторял, что *«те, кто стрелял в него, на следующий день целовали его, и наоборот»*.

Арафат пытался играть на арабских противоречиях и использовать их в своих интересах, увлекая за собой разнородные палестинские фракции, с которыми он постоянно выступал посредником. В процессе этих манипуляций, по словам израильского журналиста Дэнни Рубинштейна (D. Rubinstein, *“The Mystery of Arafat”*, 1995), палестинское руководство по меньшей мере дважды *«подходило к краю пропасти»*, а затем, подталкиваемое международными обстоятельствами, погружалось в катастрофу. Предоставление поддержки или отказ в ней, утверждает Рубин, давали арабским режимам *«огромные рычаги влияния на ООП»*, а Сирия и Египет на протяжении 1960-х годов запрещали ей использовать свою территорию для нападения на Израиль. В 1970–1971 годах создание палестинского квазигосударства на территории Иордании, сопровождавшееся антихашимитским радикализмом НФОП и НДФОП, привело к военному столкновению с иорданской монархией. Кульминацией стал *“Чёрный сентябрь”*, стоивший ополченцам ООП от 5.000 до 10.000 жертв и изгнания из Иордании.

В 1975–1976 годах союз с Ливанским национальным движением, возглавляемым дружеским лидером Камалем Джумблатом, вовлёк ООП в гражданскую войну в Ливане и столкнул её с Сирией. Кульминацией стала резня в лагере палестинских беженцев, устроенная ополченцами-маронитами, на тот момент союзниками Дамаска. В 1982–1983 годах, во время израильского вторжения в Ливан, ООП была сначала вытеснена с юга страны и из Бейрута, а затем в лагере Сабра и Шатила была устроена резня, причём всё той же маронитской *«фалангой»*, на этот раз союзной Израилю. Осенью 1983 года наступила очередь изгнания из Триполи, в результате осады, возглавляемой сирийской армией; в 1985 году оставшиеся лагеря беженцев подверглись нападениям шиитских ополченцев Амаля. Представители ООП были эвакуированы в Тунис под конвоем французского флота.

В 1977–1979 годах Египет после заключения сепаратного мира с Израилем, подписанного Анваром Садатом в Кэмп-Дэвиде, фактически отказался от поддержки ООП, которая была вынуждена восстановить отношения с Иорданией, затем с Сирией и, наконец, с Ираком Саддама Хусейна. Последствием ливанской истории, как отмечает Греш, стало разделение ООП на три части: одну во главе с Арафатом, другую во главе с Абу Нидалем – её поддерживали Сирия и Ливия, которая вела *«войну на уничтожение»* против руководства ФАТХа с помощью терактов, – и, наконец, ливийскую часть. Поддержка вторжения Багдада в Кувейт в 1990 году стоила ООП помощи со стороны нефтёмонархий. Лишь в двух случаях, в Иордании в 1970–1971 годах и в Ливане в 1982–1983 годах, ООП удалось утвердиться в качестве *«квазигосударства»*. Этого не произошло на Западном берегу и в Газе, где попытки партизанского захвата власти терпели неудачу с 1968 года.

“Государство в изгнании” в Бейруте и гражданская война в Ливане

По мнению Роберта Фиска, легендарного корреспондента *The Times* на Среднем Востоке, в Ливане ООП создала своего рода «государство в изгнании», угрожая политическому и конфессиональному равновесию в стране с её «семнадцатью конфессиями, семь из которых были признанными» и, начиная с 1960-х годов, «более чем семьюдесятью вооружёнными формированиями» (R. Fisk, *"Pity the Nation: Lebanon at War"*, 2001).

По словам Абуриша, в Ливане ООП не только получила территориальное убежище, но и создала экономические группы, такие как SAMED³, установив прямую и автономную связь с финансовыми потоками, проходившими через Бейрут. Арафат, в частности, наладил тесные отношения с «бейрутскими палестинцами»: «людьми мира» с двойными паспортами, которые больше были склонны к ливанской торговле, чем к партизанской войне. Наличие более 300 тысяч палестинцев без ливанского гражданства в лагерях беженцев обеспечивало пополнение рядов партизан для войны против Израиля и, позднее, для долгой гражданской войны в Ливане (1975–1990).

По одной из палестинских оценок, до 1990 года «три четверти жертв среди палестинцев» были вызваны действиями арабов, а не израильскими репрессиями. В Ливане, напоминает Фиск, палестинцы были участниками местных междоусобиц, пострадав от резни в Тель-эз-Заатаре, устроенной христианскими фалангистами в 1976 году, за которой последовала жестокая расправа над маронитской деревней Дамур. Тысячи палестинских беженцев были убиты в Сабре и Шатиле в 1982 году боевиками маронитских фалангистов; во время «войны лагерей» в 1986 году настал черед боевиков шиитской партии «Амаль», действовавшей от имени Сирии.

Сегодняшний конфликт в Газе с его почти 40 тысячами жертв сместил этот кровавый баланс на сторону правительства в Тель-Авиве. Это последняя по времени из «семи войн» в Газе между ХАМАС и Израилем. Предпосылкой, однако, послужило военное противостояние между ФАТХ и ХАМАС в 2007 году за главенство над палестинским национализмом.

Подтверждение «национального предлога»

Болезненный и кровавый опыт палестинского самоопределения, пусть оно и реализовалось в ограниченной форме мини-государства, возникшего в результате соглашений в Осло, является доказательством того, как средневосточные буржуазии и великие державы использовали палестинский «национальный предлог» в своих целях, бросив его сегодня под обломками Газы. Тот же поток нефтедолларов, который обеспечил ООП достаточными финансовыми средствами и позволил ей добиться международного признания, в том числе благодаря использованию нефтяного оружия странами Персидского залива, подпитывал различные течения политического исламизма, то параллельно, то вызывая конкуренцию.

Будучи инструментом нефтемонархий как в их борьбе за Средний Восток, так и в соперничестве с иранским шиитским национализмом, доходы от продажи нефти финансируют как исламские ополчения в Афганистане, так и различные *отравленные семена* реакционного терроризма. Среди них и ХАМАС, усиление которого стало также результатом политики «разделяй и властвуй», проводимой израильской буржуазией.

Как напоминает ежедневная газета «Гаарец», до 7 октября ХАМАС, несмотря на подозрения в его связях с «Братьями-мусульманами», перемещался между различными арабскими столицами, по-прежнему пользовался гостеприимством Катара и даже Кувейта и был союзником Египта при маршале-президенте ас-Сиси в его борьбе с террористическими фракциями ИГИЛ и «Аль-Каиды», действующими на Синае. Абуриш утверждает, что Кувейт, Саудовская Аравия и Катар в 1991 году, чтобы наказать ООП за поддержку Саддама Хусейна во время первой войны в Персидском заливе, не только депортировали большое количество палестинских рабочих, но и перекрыли поток финансовой помощи и направили её «палестинским исламистским течениям».

По мнению различных наблюдателей, уже в 1973 году Арафат убедился в невозможности отменить итоги 1948 года. Поэтому, в том числе под давлением «людей денег» – той части палестинской диаспоры, которая выступала в качестве связующего звена с арабскими монархиями и каналом финансирования, – он пришёл к убеждению, что в отношениях с Амманом и Вашингтоном ему необходимо добиваться «дипломатического решения». Конкуренция между палестинскими фракциями вынуждала Арафата действовать по конфиденциальным каналам, чтобы избежать раскола в ООП. Кроме того, на

оккупированных территориях зарождался национализм, подпитываемый интеграцией палестинской рабочей силы в израильскую экономику, столь же враждебный к еврейским поселениям на Западном берегу и в Газе, как и к иорданской опеке, учитывая разрыв после “Чёрного сентября” 1970 года. Это течение, укоренившееся на территориях, стало призывать к созданию независимого государства в границах 1967 года – решение, которое было поддержано арабскими монархиями Персидского залива и Египтом.

С 1979 года, после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений, администрация Картера сама выступала за *«палестинское национальное самоопределение»*. Однако потребовалось поражение в Ливане и начало первой интифады, народного восстания на территориях, а также окончание холодной войны и ослабление влияния СССР на часть арабского национализма, чтобы Арафат смог закрепить за ООП статус политического лидера. По мнению Абуриша, арабские монархии и Египет считали, что карта Арафата была полезна для *«сдерживания»* палестинского восстания и предотвращения распространения интифады на другие арабские страны.

Это, казалось, делало решение о создании мини-государства жизнеспособным, и в 1993 году были подписаны соглашения в Осло. Однако часть течений той же ООП начала осуждать эти соглашения как продукт влияния *«людей денег»* и их референтов в Персидском заливе. Свою роль сыграла и проводимая Арафатом политика кооптации путём централизации арабского финансирования, направленная на манипулирование различными течениями. Эдвард Саид (1935–2003), один из самых известных палестинских интеллектуалов, отверг соглашения в Осло как *«продажу»* палестинского национализма израильскому и американскому диктату, обвинив Арафата в том, что он распоряжается властью, как *«вождь африканского племени XIX века»*. По мнению Абуриша, действия Арафата отражают концепцию власти *«базарного торговца»*, традиционную как для палестинского, так и для арабского общества. В любом случае, подчёркивает Греш, слабость соглашений в Осло, рост конкурирующего национализма ХАМАС, поддерживаемого самим Израилем, и политика Тель-Авива по постепенной аннексии территорий, редко подвергавшаяся критике со стороны Вашингтона, привели к *«медленному разрушению»* соглашений в Осло и их краху в 2006–2007 годах, с началом гражданской войны между ФАТХ и ХАМАС и последующих *«войн в Газе»* между исламистской группировкой и Тель-Авивом, начиная с 2008 года. По мнению Греша (*“Israel, Palestine”*, 2024), именно предпоследняя война в Газе в 2021 году закрепила доминирование ХАМАС в палестинском национализме, а также разложение ФАТХ, подорванное слабеющим лидерством Абу Мазена в ПНА и последствиями тактики “разделяй и властвуй”, применяемой израильскими правительствами.

Если исход войны изменит эти отношения, всё вновь обернётся игрой между державами, которые решат судьбу палестинцев. На этот раз это будет противостояние между Саудовской Аравией, которая стремится довести до успешного финала соглашения Авраама с Израилем и США, и Ираном во главе с муллами, который перебросил своих прокси-боевиков, чтобы помешать этому. Или же, чтобы в свою очередь добиться договорённости, предусматривающей его ядерный статус.

Ноябрь 2024 г.

¹ - Его отец Анри Куриель происходил из итальянских сефардов, египетским же коптом являлся его отчим.

² - Так называли сеть, которая собирала и перевозила средства и фальшивые документы для ФНО.

³ - Аббревиатура от Palestine Martyrs Works Society. Первоначально Production Society for the Children of Palestinian Martyrs (Производственное общество для детей палестинских мучеников) – организация, созданная в Иордании в 1970 году с целью предоставления профессионального обучения и экономической поддержки сначала детям погибших в ходе сопротивления, а после 1975 года – всем членам палестинской общины в изгнании. В 1971 году она была переведена в Бейрут и реорганизована.